

Oнтологический парадокс культуры: виды проявления

УДК 304.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-14-23>

Е. В. Золотухина - Аболина

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме существования, рассмотренной в культурологическом аспекте. Автор фиксирует характерный для культуры парадокс «наличия-отсутствия», когда явление, воспринимаемое как «физический факт», оценивается как несуществующее, в то время как идеальные образования и умершие люди выступают в качестве бытийствующих. Статья опирается на методологическую традицию экзистенциального философствования и герменевтики, в центре которых находится тема значимости. В культуре онтологически реальным выступает то, что значит, несет в себе те смыслы, которые служат мотивами поведения людей и влияют на них. В связи с этим на первый план в анализе темы выходит акт признания: легитимация чего-либо как существующего определяется его признанием и поддержкой. Статья включает два основных раздела. В первом из них рассматриваются вопросы контекстуальности существования в культуре, когда физически существующий человек, фактически наличный социокультурный институт или ценность перестают «значить» и выступают как несуществующие, хотя продолжают функционировать в иных контекстах. Во втором разделе рассматривается ситуация, когда идеи и образы, будучи не физическими, выступают как вполне реальные факты духовной жизни. Их бытие бесспорно, но опять-таки лишь в том случае, когда они значимы и признаны. И ментальные образования, и артефакты, расположенные в горизонте прошлого и будущего, согласно парадоксу «наличия-отсутствия», являются в культуре, согласно позиции автора, онтологически реальными, если они не потеряли своей значимости и остаются признанными и поддержаными.

Ключевые слова: культура, онтология, существование, онтологический парадокс, значение, смысл, признание, поддержка.

Для цитирования: Золотухина-Аболина Е.В. Онтологический парадокс культуры: виды проявления // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №2 (112). С. 14-23. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-14-23>

ЗОЛОТУХИНА-АБОЛИНА ЕЛЕНА ВСЕВОЛОДОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры зарубежной и отечественной философии Института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет

ZOLOTUKHINA-ABOLINA ELENA VSEVOLODOVNA – DSc in Philosophy, Professor at the Department of Foreign and Domestic Philosophy of the Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, Southern Federal University

© Золотухина-Аболина Е.В., 2023

THE ONTOLOGICAL PARADOX OF CULTURE: TYPES OF MANIFESTATION

Elena V. Zolotukhina - Abolina

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation
e-mail: elena_zolotuhina@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the problem of existence, considered in the cultural aspect. The author fixes the paradox of "presence-absence" characteristic of culture, when a phenomenon perceived as a "physical fact" is evaluated as non-existent, while ideal formations and deceased people act as being. The article is based on the methodological tradition of existential philosophizing and hermeneutics, in the center of which is the topic of significance. In culture, what is ontologically real is what it means, carries those meanings that serve as motives for people's behavior and influence them. In this regard, the act of recognition comes to the fore in the analysis of the topic: the legitimization of something as existing is determined by its recognition and support. The article includes two main sections. The first of them deals with the issues of contextuality of existence in culture, when a physically existing person, an actual socio-cultural institution or value ceases to "mean" and act as non-existent, although they continue to function in other contexts. The second section examines the situation when ideas and images, being not physical, act as quite real facts of spiritual life. Their existence is indisputable, but again only if they are significant and recognized. Both mental formations and artifacts located in the horizon of the past and the future, according to the paradox of "presence-absence", are ontologically real in culture, according to the author's position, if they have not lost their significance and remain recognized and supported.

Keywords: culture, ontology, existence, ontological paradox, meaning, meaning, recognition, support.

For citation: Zolotukhina-Abolina E.V. The ontological paradox of culture: types of manifestation. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 2 (112), pp. 14-23. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-14-23>

Постановка проблемы

Человеческая жизнь – область противоречий, которые мы замечаем далеко не всегда. В относительно тихие времена, не связанные с большими потрясениями, люди, прочно усвоившие общепринятые культурные стереотипы, обычно не путаются в том, что считать наличным и реальным, а что – отсутствующим или вообще не существующим. Но в периоды социальных пертурбаций, когда привычные матрицы восприятия ломаются, вдруг обнаруживается смутность и неясность самых простых, казалось бы, основополагающих представлений о мире. Женщины и мужчины, они есть или их вовсе нет? Государства с их границами и армиями – это реальная сущность или мираж и условность? События, щедро представленные в СМИ –

это злокозненная выдумка или важное историческое свидетельство? И не сказать, что проблема существования/несуществования появляется только в «эпохи перемен», но в эти эпохи она обостряется, привлекает к себе внимание. Она тем более обостряется, что сами внутрикультурные факторы, а именно даваемые людьми оценки и их идеи меняют границы между «фактом наличия» и «фактом отсутствия», между «да» и «нет», живым и мертвым.

Именно из остроты этой темы родился замысел предлагаемой читателю статьи. Ее цель – рассмотреть специфику существования в культуре и описать ряд проявлений ее ведущего онтологического парадокса «парадокса наличия – отсутствия». Собственно, понятие существования указывает на то, что

«есть»: имеет быть, занимает место, наличествует, присутствует как очевидный факт. Эта «фактичность» при ближайшем рассмотрении оказывается не такой уж незыблевой. «Существование» способно в рамках культурных контекстов проявляться для человеческого сознания и исчезать, проявляясь и блекнуть, странным образом совмещать бытие и небытие, которые в данном случае выступают как просто «есть или нет».

Поскольку в названии статьи речь идет об онтологии, подчеркнем, что мы не касаемся философско-теологической темы бытия – бытия как основы мира и как трансцендентного. В сферу нашего внимания попадают вполне повседневные предметы, существа, личности, а также – культурные и социальные институты, именно об их существовании и функционировании в культуре идет речь.

Тема существования, как правило, рассматривается в истории философии с позиций гносеологических [2], логических [13], экзистенциальных [15] и феноменологических [3]. Гносеологический аспект предполагает в первую очередь восприятие, которое эмпирически удостоверяет для нас наличие предметов и других существ. Логический ставит вопрос о соотношении предмета и имени – обобщающего или индивидуального. Экзистенциальный подход противополагает существование как подвижное и открытое сущности как чему-то ставшему и прочному. Феноменологический – подчеркивает различие между существованием предметов во внешнем мире и в сознании.

Все эти аспекты связаны между собой и все в равной степени важны, однако нам хотелось бы сделать набросок иного видения, уходящего корнями в сложное переплетение экзистенциального философствования и герменевтики, в центре которого находится тема значимости. Не «значения» как содержания знака, а именно значимости, живого, эмоционально-переживаемого смысла, без которого, как оказывается, о самом существовании говорить не приходится, даже если мы видим и осозаем некий предмет. А ведь куль-

тура это и есть всегда динамическая система осмыслиенных и переживаемых способов поведения и деятельности. То, что в ней «есть» (присутствует, наличествует), зависит от того, какой смысл и значение это нечто имеет – или не имеет! – для нас.

В рамках принятого нами ракурса рассмотрения мы, конечно, неизбежно соприкосновемся и с иными аспектами (уже выше отмеченными) темы существования, но на первый план выйдет тема признания как ценностно-смыслового удостоверения того, что «существует в культуре». Предваряя последующее раскрытие сюжета, скажем прямо: в культуре то, что не признано значимым, может быть сколь угодно чувственно ощущимым, но для агентов социокультурной жизни оно будет онтологически-отрицательным, не существующим, по принципу «он никто и звать его никак». Признание и наличие оказываются двумя сторонами одной медали, и отсутствие первого ведет к гибели второго. Из этого рождаются как давно почившие «вечно-живые» герои культуры, так и ее физически вполне бодрые «мертвецы».

Тема признания как важнейшего фактора культурной жизни разрабатывалась П. Рикером [14]. В статье, совместной с моим соавтором В. Б. Меласом, частично посвященной теме признания, мы отмечали: «Рикер говорит о взаимном признании и делает акцент на ответственности, то есть рассматривает узко моральную, этическую, проблематику. Теме признания посвящены также исследования Акселя Хоннета, проведенные им в книге «Борьба за признание» (1994) и последующих произведениях, проанализированных в статье И. А. Михайлова. Однако избранный Хоннетом подход, опирающийся на некоторые идеи в работах Г. В. Ф. Гегеля, является, скорее, макросоциальным, близким к вопросам политологии, ибо развивается в духе поздней Франкфуртской школы» [6, с. 9]. В дальнейшем изложении я буду в немалой степени опираться на идеи моего соавтора В. Б. Меласа [10], высказанные в его собственной статье, посвященной признанию, а также в других его

работах, связанных с темой существования [11, с. 104–113]. В частности, это идея *тесного единства в культуре существования, признания и дальнейшей поддержки единожды признанного*. «Признать что-либо, – пишет В. Б. Мелас, – означает сделать его существующим путем поддержки. А поддержать – значит признать. Признание и поддержка подразумевают друг друга [11, с. 5]. Будем в дальнейшем исходить из такой постановки вопроса.

«Быть фактически данным» не означает «быть существующим»

Прежде всего, наличие и отсутствие, существование и несуществование чего-либо в культуре зависит от контекста, в котором это *нечто* рассматривается. Восприятие, принятие и поддержка осуществляются в конкретном отношении: существовать – это всегда существовать «как», «в каком качестве», «в какой функции» и «с каким статусом». И в этом смысле, как мы уже заметили ранее, можно продолжать жить физически, безвозвратно погибнув для окружающих культурно и социально. Так, перестает в политическом поле существовать политик, потерявший поддержку сторонников, в административном и властном поле – начальник, уволенный с должности, в сфере искусства и славы – шоу-звезда, утратившая внимание поклонников, в области личных отношений – любимый, брошенный любящим или друг, от чьей дружбы отказались. В личных отношениях нередко говорят: «Ты для меня умер».

Все эти люди продолжают существовать физически и даже остаются вполне востребованными для других партнеров по жизни в других отношениях, но в некотором, возможно, очень важном для них смысле они *существовать перестают*: культурная онтология отличается от «просто предметного наличия». В романе Т. Устиновой «Седьмое небо» прямо так и описаны переживания главного героя Егора Шубина, который в однажды неожиданно лишился начальственного места. Он собирает вещи, чтобы уйти, а охрана не отдает ему ноутбук: «”Лэп-топ останется

здесь, – перебил его охранник, – простите, Егор Степанович”. Зачем он извиняется? Егор Шубин умер, его нет, извиняться не перед кем. «Поторопитесь, пожалуйста», – велел мертвый Егор Шубин секретаршам» [17, с. 119].

Психологам хорошо известен феномен, когда начальник, снятый с должности, некоторое время никак не может принять ситуацию и продолжает упорно ходить в свой кабинет и пытаться чем-то руководить. Думается, это не просто результат «инфантальной установки» и «простого внутреннего мира», который отказывается принимать реальность. Это также в прямом смысле слова страх *перед небытием*, это ужас *не-существования*, инстинктивная попытка отодвинуть смерть. Весьма сильными личностями можно считать деятелей, которые в ходе своей карьеры, быть может, неоднократно «социокультурно умирали», переставали существовать, а потом вновь возрождались. Выходили на арену деятельности и получали... Что получали? Ну, конечно, в первую очередь – *признание*, а значит – и *поддержку*, удостоверение и утверждение своего наличия в культуре и обществе в качестве правителей, военачальников, ученых, писателей, актеров и так далее. Они возвращали свой статус, вновь были восприняты и признаны «как таковые», их притязания получили благосклонный ответ, а статус «значимых» вновь легитимирован. Они в полном смысле слова стали снова существовать, в то время как до этого оставались в забвении и являлись «ничто» и нулями в своей области самоутверждения. Выпадение из культурного контекста означает «онтологическое исчезновение».

Кстати, такого рода «выпадение из контекста» в ряде случаев переводит человека в другие контексты, где он приобретает иные цели и планы, выступая как «полноценная культурно-онтологическая единица»: например, спортсмен уходит на тренерскую работу и существует теперь «как тренер», шоу-звезда превращается в заботливую жену и мать, император Диоклетиан отправляется выращивать капусту. Но в других, нередких случаях

выпадение из контекста заканчивается реальной смертью, концом земного существования тех, кто «умер в культуре»: кто-то спивается, кто-то кончает самоубийством, кто-то погибает от нищеты. Социокультурное небытие влечет за собой физическое: без поддержки и утверждения другими людьми своего статуса человек расстается и с эмпирическим миром.

Контекстуальность «наличия–отсутствия» очевидна и в тех случаях, когда речь идет не об индивидах, а о социокультурных явлениях: традициях, способах действия, ценностных установлениях, в формах поведения. Здесь в особенности важна сама «смена контекста» – динамика культурных изменений, которая устанавливает «тренды», в рамках которых нечто утверждается как *полноценно существующее*, более того – как прогрессивное и прекрасное. А нечто – вполне пока что реальное! – как отжившее, устарелое, бесперспективное, умирающее, то есть, переходящее в разряд *онтологического ничто*. Это особенно ярко проявляется в бурные моменты развития истории, во время революций, радикальных реформ, социальных катализмов и смены господствующего мировоззрения. Так, в российской революции 1917 года были «обнулены», онтологически вычеркнуты как значимые, ценные и реальные и дворянство, и духовенство, и буржуазия, и соответствующая интеллигенция. Драмы того периода, когда « тот, кто был всем, стал ничем» отражены во многих послереволюционных художественных произведениях – от «Белой гвардии» М. Булгакова до «Хождения по мукам» А. Толстого. Опять-таки не только люди-субъекты, но и социальные институты – партии, церкви, системы верований и убеждений – еще оставались «в наличии», идеи еще использовались, объединения еще сохранялись, традиции помнились и воспроизводились, но они уже «ничего не значили», не принимались и не поддерживались ни новой властью, ни основной частью населения. И есть, и – нет. Они потеряли влияние, возможность что-то определять, а в социокультурном мире такое положение дел означает смерть. Этот

парадокс долго сохранялся, хотя многое из прежней культуры, как и ее носители, были уничтожены физически.

Новый раунд «свержения того, чему поклонялись и поклонения тому, что сжигали», мы видели в период с 1991 года и по самое последнее время. Вместе с реальным разрушением прежних социальных структур и отношений носители коммунистических идей получили статус «ничтойности» в глазах новых поколений, воспитанных в духе потребительства и «западнизма». Другой вопрос, что в социокультурной системе, которую воспроизводят и развиваются массы людей, всегда есть место для явного или тайного разнообразия, поэтому, единожды возникнув, то или иное явление как бы способно не умирать до конца. Оно «онтологически съеживается» или остается достоянием очень узкого круга, чтобы потом, возможно, вновь приобрести значимость и влияние, утвердить свою онтологическую мощь. Об этом интересно пишет А. Дугин [5], подчеркивая, что в современном мире одновременно присутствуют типы общества, которые называются Премодерном (традиционные аграрные общества), Модерном (лидерство индустриального промышленного производства) и Постмодерном (информационная экономика, высокие технологии, услуги). Одновременность разных культурно-онтологических явлений; даже просто их сиюминутная географическая представленность не позволяет говорить о том, что даже самое древнее из них настигло полное *культурное небытие*. Они все существуют, хотя постмодернизм, во всяком случае, в начале 2000-х годов, являл собой ведущий тренд. Однако и то, что можно считать архаикой, сохраняется как в пространстве, так и внутри «пор», образно говоря, более поздних типов общества, и эта архаика способна бурно разрастаться и онтологически утверждаться. Тогда контекст снова меняется, в действующей культуре архаические формы начинают узнавать, признавать, обсуждать, описывать, а далее, возможно, даже поддерживать и внедрять.

Сегодня весьма актуальным в свете нашей темы «онтологического парадокса культуры» выступает феномен так называемой «культуры отмены». Это инициированное западными властями явление, пожалуй, не имеет прецедентов в прошлом. Вполне реально имеются в наличии представители двух биологических полов, за их спиной находятся тысячелетние традиции, точно также существует длительная, писаная и сохраненная в артефактах история такой страны как США, ставшая достоянием сознания многих поколений. Но и одно (пол) и другое (историю) пытаются объявить *несуществующими: отказать им в принятии и поддержке, перечеркнуть их значимость*. Пол и протекшую историю («гендерно-неверную, расово-неправильную») не только пытаются уничтожить в актуальной культурной практике и в памяти, но стараются их заменить практиками и идеологемами, целенаправленно измысленными ради политических задач, выгодных финансовой власти. Диаду «мужчина – женщина» стремятся вытеснить из социокультурного бытия, свести на нет, заменив абсурдным «многообразием гендров», которых от обилия фантазии уже выдумывали сотни. Реальную историю США, где были Марк Твен, Джек Лондон, традиционные детские сказки либо скрывают от новых поколений, либо переписывают. То есть в контексте исторической памяти и духовной культуры происходит *онтологическая диверсия*: реально существующее объяляют мертвым (не только не значимым, но и вредным), а злоказненную ложь выдают за реальность и истину.

Однако вернемся к парадоксу «наличия-отсутствия» применительно к единичному человеку, индивидуальности. Он срабатывает не только в отношении потери социокультурной значимости и статуса, но и в личных отношениях. И здесь особую роль играет феномен *игнорирования*, который сам по себе парадоксален. Дело в том, что люди, воспринимающие друг друга, так или иначе, все равно вступают в коммуникацию, даже если они

отказываются от общения. Но эта коммуникация, уже предполагающая, что другой человек существует, одновременно означает *отказ от признания его существования*. «Игнорирование... – пишет П. Вацлавик, – не имеет отношения к истинности или ложности (если бы такой критерий существовал) определения Л¹ собственной личности; игнорирование скорее отрицает само существование Л как источника этого определения. Другими словами, в то время как отвержение подразумевает сообщение “Ты ошибаешься”, игнорирование сообщает “Ты не существуешь”» [4, с. 104].

Игнорирование – явление весьма широко распространенное, поэтому стало предметом пристального изучения психологов, которые отмечают: «Ряд авторов определяют игнорирование как форму проявления безразличного и пренебрежительного отношения и относят его к формам отвергающего поведения... Современным способом выражения пренебрежительного игнорирования является фаббинг (phubbing, от англ. phone – телефон и snubbing – пренебрежение). Суть данного явления заключается в постоянном отвлечении на гаджет во время личного общения с собеседником, что может восприниматься партнером по взаимодействию как неуважение и угроза привязанности... Еще одна современная форма игнорирования – гостинг (ghosting, от англ. Ghost – призрак). Под гостингом понимается поведение человека, предполагающее внезапное игнорирование, прекращение общения с кем-либо без объяснения причин» [16]. Так или иначе, и старые, и современные формы «игнора», не задевая физического бытия человека, перечеркивают его значимость и ценность, способность быть замеченным и на что-то влиять, и все это выступает утверждением и демонстрацией того, что его *как бы и вовсе нет*. Он не заслуживает внимания и того, чтобы его существование учитывалось: принималось и поддерживалось. Но в том-то и парадокс, что реально пустому месту никто ничего не демонстрирует!

¹ Буквой «Л» Вацлавик обозначает условного «индивидуа Л».

Игнорирование – символическое уничтожение Другого, потому оно – всегда оскорбление и травма.

Быть «актуально не данным» не означает быть «несуществующим»

Специфика «жизни в культуре» выражается и в феномене, противоположном только что описанному. Это существование того, что не существует в физическом смысле и не может быть воспринято как чувственный предмет. Явления *фактически нет*, и в то же время оно *есть*, да к тому же оказывает на жизнь огромное воздействие. Существовать и таковым восприниматься можно не только во внешнем, но и во внутреннем опыте, в сфере идеального, которое, конечно, воплощается в системе знаков, но по способу бытия радикально отличается от бытия внешних вещей. *Быть – это не только «быть воспринимаемым», но также быть представленным, воображаемым, помысленным*. Без этого вида существования нет культуры. Образы, ценности, понятия и суждения, не имеющие пространственной локализации, не могущие быть тактильно ощутимы, потроганы руками, призрачные и эфемерные, тем не менее, пронизывают и опосредуют всю культурную жизнь.

Конечно, мир мыслей и эмоций может быть истолкован как нечто «несуществующее» в физическом, грубо-материальном отношении. Есть даже весьма известная концепция, которая относит всю духовную жизнь к области *фикций*. Это философия «как если бы» Ганса Файхингера. К сожалению, Файхингер, неокантианец, создавший свою теорию в 1911 году, до сих пор не переведен на русский язык, и лишь фрагменты ныне осуществляемого перевода можно увидеть в Интернете [18]. Область идеального для него – полезная, но фикция. То есть нечто, не обладающее подлинным существованием. С такой позицией, впрочем, трудно согласиться. Иной способ существования не означает «не существования», отсутствия. Это просто существование «иным способом».

Тема идеального достаточно подробно изучалась в советской философии [7], а тема символа как носителя идеальных содержаний и в западной [8], и в отечественной [9] философии XX века.

Возводить ли идеальное к духовным мирам или считать его исключительно проявлением социального образа жизни высокоразвитых существ, в любом случае оно оказывается могучим, можно сказать, *фундаментальным для культуры пластом реальности*, который присутствует благодаря непрерывному процессу «субъективации – объективации» («распредмечивания и опредмечивания») смыслов и содержаний, а также – труду и коммуникации. Впрочем, уточним. Если свои собственные мысли и фантазии каждый из нас воспринимает непосредственно и не сомневается в их существовании, то чужие мысли и чувства мы должны *счесть за наличные, прибегая лишь к косвенным способам*: слушая слова другого человека, наблюдая его мимику и пантомиму, прослеживая поступки. И лишь ориентируясь по этим косвенным данным, мы способны *принять и само существование смыслов и содержаний, присущих Другому*, и удостовериться в их конкретных качествах. В этом принятии всегда присутствует хотя бы малый момент сомнения: а были ли вообще такие мысли? так ли мы поняли человека? правильно ли интерпретировали «его душу»? Если мы согласились с тем, что человек, во-первых, вообще думал и чувствовал, а во-вторых, думал и чувствовал именно так, как мы его поняли, мы согласуем свое поведение уже не с гипотетическим, а с «доказавшим свое существование» конкретным внутренним миром. Во всяком случае, мы склонны верить, что «наличие доказано». И дальше вновь стоит вопрос о *поддержке*: следующим шагом мы поддерживаем собственное сложившееся впечатление о том, что внутренний мир Другого содержит такие-то и такие-то установки, мысли и чувства. И наша поддержка собственных выводов о существовании определенных внутренних качеств Другого бывает столь сильна, что мы меняем свои

представления с трудом, стоим на том, что кто-то «трус», а кто-то «герой», хотя последующий опыт может многое менять. Наша уверенность в наличии определенных внутренних качеств Другого (его мыслей, чувств, убеждений) могут даже менять и его, Другого, существование. Так происходит, когда мы говорим ему: «Я в тебя верю». И наше принятие и поддержка дают ему возможность также верить в себя, в наличие собственных позитивных возможностей, чтобы воплощать их в действии.

Признание и поддержка не менее важны для утверждения бытия, циркуляции и воспроизведения конкретных установок, ценностей и идей в сфере культуры и массового сознания. Те смыслы и факты, которые забрасываются в общественное сознание искусством и религией, идеологической пропагандой и рекламой, радио, телевидением и Интернет-сетями должны быть не просто восприняты как «наличная информация», но должны показать свою *значимость* – полезность, интересность, влиятельность. Только тогда они будут востребованы как нечто «действительно существующее», способное по-настоящему «быть» – оказывать воздействие, менять жизнь, побуждать читателей и слушателей к конкретному виду поведения. Идейных ценностей, смыслов, эталонных образцов нет как физических предметов, но они должны дважды быть приняты и утверждены в своем существовании: как информация, функционирующая идеально, и как *значимая информация*, которая становится частью внутреннего мира и стимулом для деятельности.

Ну а если учесть, что в эмпирическом мире мы живем *во времени*, то вопрос о существовании того, чего физически нет, еще усложняется. Прошлого нет, присутствуют только его следы, также как следы в нашей памяти: «Прошлое в жизненном мире, – отмечает В. Б. Мелас, – это не то, что прошло (и чем занимается историческая наука...), а то, что осталось. А остались следы, которые мы поддерживаем воспоминаниями

и памятниками. Но и те, и другие важны для нас потому, что прошлое имеет последствия – такие предметы и явления, которые корнями уходят в прошлое и признаются нами именно в качестве последствий на основе оставшихся следов» [11, с. 5]. Итак, прошлого нет, но в то же время оно существует, и это очевидно не только на примере индивидуальной памяти, но и на примере *культурной традиции*. При этом не исключены, а, к печали историка, фактически предполагаются искажения, когда существующим становятся то, чего вовсе не было, а то, что реально было, либо забывается, либо остается в тени и игнорируется. В этом смысле можно лишь позавидовать убежденности определенного круга людей в наличии «хроники Акаши» – такого пласта реальности, который хранит память абсолютно обо всем, что существовало в прошлом, и именно о том, как на самом деле происходили события.

Фактически прошлое постоянно создается и воссоздается, творится каждый день, и из сохраненных памятью и артефактами событий вырастает, применяясь к «требованиям сегодняшнего дня», то прошлое, которое на самом деле то ли было, то ли не было... Оно существует, возрождаясь ежеминутно и выстраиваясь для тех задач, которые мы ставим перед собой. «Для культурной памяти, – пишет Ян Ассман, – важна не фактическая, а воссозданная в воспоминании история, и только она. Можно сказать также, что в культурной памяти фактическая история преобразуется в воссозданную воспоминанием, то есть, в миф» [1, с. 55].

Эта мифологизация, создающая и утверждающая как факт то, чего не проходило, может иметь разную меру, она может быть естественной и намеренно разработанной. И если выражение «врет как очевидец» предполагает бессознательное фантазирование, нередко – желание выставить себя в лучшем свете, то в наши дни возникают целые индустрии, работающие для того, чтобы прошлое, представленное в сознании, выглядело так, как пожелал по-

литический заказчик. К сожалению, сегодня мы являемся свидетелями создания множества мифов о прошлом, разработанных как в рамках националистических идеологий, так и в рамках американской «культуры отмены». При целенаправленном истреблении памяти о прошлом и намеренном фантазировании с претензией сделать существующим то, чего на самом деле не было, нарушается и без того хрупкое равновесие между «подлинной и неподлинной» памятью. Исторические фикции, штампаемые сегодняшними политиками, начинают жить самостоятельной жизнью, поддерживаемые и утверждаемые средствами массовой информации: в памяти новых поколений насаждается, по сути дела, «альтернативная история» – искусственный миф, плод труда по производству обмана. Такой обман – преступление против истины, несомненно, связанный с онтологией. Да и само стремление «отказаться от истины» – это акция онтологическая: стремление оставить в культуре в качестве существующего то, что никогда не существовало иначе, чем в головах господ-сочинителей.

Кроме прошлого, однако, есть еще будущее, которого, заметим это, в эмпирическом плане тоже пока нет. Его нет, но оно есть, оно существует как раз в рамках «онтологии культуры» – как прогнозы дальнейших событий и как проекты будущих наших действий. «Образ будущего» – онтологическая культурная данность, и по поводу таких образов ведутся исследования [12]. Уже здесь, в настоящем, в сфере «идеальной онтологии сознания» существует представление о том, как оно там будет «завтра», «послезавтра» или даже через сто лет. Здесь онтологический парадокс «наличия-отсутствия» демонстрирует, как и в случае с прошлым, свое удвоение: мало того, что обсуждаемое «ничто» (в данном случае будущее) *отсутствует физически*, так оно еще и *отсутствует темпорально* и является гипотетическим. И в случае прогноза, и в случае проекта, предсказания и намерения могут не реализоваться, и жизнь пойдет по совсем другой траектории. Образ будущего

(неважно, мрачный или светлый) так и останется онтологическим достоянием текущего периода, который отождествлен с «настоящим временем», с текущей эмпирией повседневности. И если господствует апокалиптический, страшный образ не существующего пока будущего, то он сегодня подавляет и пугает так, как будто будущее уже наступило, и заставляет бороться с этим будущим как с врагом. Если же господствует светлый образ, то мы радуемся, как будто прекрасное грядущее уже присутствует своим краем в настоящем, как будто мы уже греемся в его солнечных лучах. Тогда, с одной стороны, настроение улучшается, а с другой – возникает стремление всеми силами способствовать воплощению именно этой версии реальности. Можно сказать, что еще не обладающее бытием будущее во многом «делает погоду» в настоящем и заставляет нас чувствовать, переживать поступать в согласии с ним. Оно многое «значит», хотя его час еще не пробил.

Краткое заключение

Онтологический парадокс культуры, связанный с феноменом «наличия-отсутствия» пронизывает всю толщу бытия культуры, и это неудивительно. Культура – форма и способ жизни сознания, а сознание – загадка, которой пока в полной мере нет объяснения. Поэтому все, что связано с сознанием, включает парадоксы и функционирует с их участием. Мы коснулись в изложенном выше тексте огромных, многоплановых тем – темы значения и смысла, темы признания, принятия и поддержки, темы идеального и темпорального. Собственно, нашей задачей и была демонстрация того, что сюжет существования в культуре прочитывается и анализируется иначе, чем, к примеру, в сциентистски ориентированной психологии восприятия или физическом эксперименте, производимом на уровне макромира. Тема существования выходит далеко за пределы вульгарного материализма или позитивистской логики. И это мы еще не трогали тему Бытия... Оставим ее для последующих пристальных исследований.

Список литературы

1. Ассман Я. Культурная память. Москва: Языки славянской культуры. 2004. 368 с.
2. Беркли Дж. Три разговора между Гиласом и Филонусом. Москва: Соцэкгиз, 1937. 125 с.
3. Брентанс Ф. Избранные работы. Москва: Дом интеллектуальной книги. 1996. 176 с.
4. Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций. Санкт-Петербург: Речь. 2000. 300 с.
5. Дугин А. Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. Москва: Евразийское движение. 2009. 744 с.
6. Золотухина-Аболина Е. В., Мелас В. Б. Существование Другого: проблема признания // Человек. Том 32, № 1. (2021). С. 7–22.
7. Ильенков Э. В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979, № 6. С. 128–140.
8. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. Москва: Гардарика. 1998. 784 с.
9. Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Том 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра. 1992. 479 с.
10. Мелас В. Б. Феноменология признания [Электронный ресурс] // Логико-философские штудии. Том 13, № 4 (2016). // URL: <http://ojs.philosophy.spbu.ru/index.php/lphs/article/view/495>
11. Мелас В. Б. Существования и время: способы существования и миры прошлого, настоящего и будущего // Логико-философские штудии. Том 20. (№ 2), (2022). С. 104–113.
12. Позитивный образ будущего: теория, история, способы конструирования: Монография / Отв. ред. Т. С. Паниотова. Ростов-на-Дону, Таганрог: Изд-во Южного федерального университета. 2021. 268 с.
13. Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск: Сибирское университетское издательство. 2009. 260 с.
14. Рикер П. Путь признания. Три очерка. Москва: РОССПЭН. 2010. 268 с.
15. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Москва: Республика., 2000. 639 с.
16. Семенова Г. В., Васильченко А. С., Векилова С. А., Николаева Е. В., Гусева Ю. Е. Представления об игнорировании как форме социальной эксклюзии // Психология человека в образовании. 2022. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-ob-ignorirovaniii-kak-forme-sotsialnoy-eksklyuzii>
17. Устинова Т. В. Седьмое небо. Москва: ЭКСМО. 2021. 352 с.
18. Файхингер Г. Философия «как если бы». Часть 1 Предисловие и оглавление [Электронный ресурс]. // URL: [https://psychosearch.ru/biblio/filosof/hans-](https://psychosearch.ru/biblio/filosof/hans-vaihinger/423-kniga-gans-fajkhinger-filosofiya-kak-esli-by-chast-1-predislovie-i-soderzhaniehttps://psychosearch.ru/biblio/filosof/hans-)

*

Поступила в редакцию 03.03.2023